

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

ОЛИМПИАДНАЯ РАБОТА

Наименование олимпиады школьников: **«Покори Воробьёвы горы!»**

Профиль олимпиады: **Литература**

ФИО участника олимпиады: **Юфрякова Анна Константиновна**

Класс: **10**

Технический балл: **83**

Дата проведения: **25 марта 2022 года**

Результаты проверки

Задания	Баллы
Задание 1	15
Задание 2	15
Задание 3	8
Задание 4	10
Задание 5	15
Задание 6	8
Задание 7	12

① Эпизод наводнения и пожара
 Петербурга Мережковский наполняет
 эсхатологическими мотивами,
 придающими сюжету символическое
 звучание. С первых же слов
 приведенного отрывка читатель погру-
 жается в мир, где скрывается
 катастрофа великого масштаба:
 звучит мотив ужаса («годы испытывали
 новый неизвестный ужас») как ~~будто~~
~~наступал конец мира, светопредставление~~
 и конца света («конец мира», «свето-
 представление»), придающие тексту
 мистическое звучание и эсхатологичес-
 кую символику. Тема рока получает
 мощное развитие в тексте: в конце
 первого приведенного абзаца говорится
 о том, что исполняется пророчество
 («Петербургку звать пусты»), ~~котор-~~
~~ый~~ ~~либит~~ ~~между~~ ~~огнем~~ ~~и~~ ~~водой.~~ ~~Текст~~
~~ВВ~~ ~~контакте~~ В таком контексте
 описание одновременного пожара и
 наводнения, шельмующего мифа
 в библейских стихах воспринимается
 как обобщенный образ шельмы мира,
~~чуждого~~ ~~суданного~~ ~~человеком~~, в мире,
 созданном Богом, что ~~напоминает~~
~~как~~ ~~сбывает~~ ~~сюжет~~ ~~наводнения~~
 пожара в Петербурге (особенно ^{также} ~~то~~ и
 Петербург ~~называется~~ ~~напрямую~~
 лишь один раз и то на старинной кар-

в «Подражании»). Но ~~вспомогательный~~ ^{цифровой 3}

«Петербург» — в прологе ^{цифровой 2.} к тексту
а в основном приведенном тексте
он называется «городом», что ~~не~~
размывает конкретику, а акцентирует
внимание на обобщении с
сюжетом о Вавилонской Башне.
Стоит отметить и то, что
сначала в тексте повествуется о похв
урага и лишь потом начинается
описание природной катастрофы,
что создает впечатление, что
не ураган родится из природных бедствий,
а похор и наводнение родится из
всего этого трепета, из иррационального
ощущения каменности волеи мира.

Описывая такие образы наводнения
и похор в Петербурге Мережковский
накладывает кощунство культурной
традиции. Еще Шекспир использовал
свой любимый образ бури ~~и в том~~
деле для описания ~~либел~~
Шударова и Макрина (например,
в «Короле Мира»). Но ~~если Лир ~~хотел~~~~
~~в не смог прожить в бури, то~~
~~Лир~~ В русской литературе XIX века
невероятно сильна традиция
петербургских текстов, трактовавших
образ ~~города~~ как Петербурга как
города, созданного против божественной
воли, а от того обладающего inferналь-
ными и даже адскими чертами
(«Петербургские повести» Гоголя), города-
призрака (например, отступление

в „Подростке“). Но, конечно, наиболее ^{типичное} ³ проявление, на которое ориентируется Мережковский — «Медный владыка» Пушкина, где также описывается наводнение, ~~обедая~~ напоминаясь концу света, стихия, когда-то прирученная Петром, стремится уничтожить его создание (особенно похожи описание ~~в~~ стихи: у Петра Пушкина описывается, как наводнение ~~просто~~ вскрывает камни, что выносит мотив конца света, который у Мережковского сразу же назван).
Похожи и образы Петра: и у Пушкина, и у Мережковского Пётр облекает человеческими, божественными чертами.

② Символический характер описанию наводнения придаёт приём обобщения: царь почти не называется по имени (см. вопрос 1), пожар и наводнение часто называются стихиями, что придаёт тексту библейскую семантику (и вообще вызывает ассоциацию с древними текстами, описывающими потопы и стихии), Пётр I никогда не называется «Петром I» — ~~своим~~ именем, под которым ~~он~~ он остался в истории — а только Петром, царём (примечательно, что Мережковский использует именно слово «царь», а не «император», ^{хотя} Пётр I провозглашен

Росло империей, а себя императором — это тоже размывает исторический контекст, создаётся ощущение, что описание не исторический император Нинф I, а уже ставший мифологическим царь Нинф), и даже Корнелий, и использование этого слова с большой буквы придаёт образу символическое звучание в текст даже при чтении вслух. Также стоит отметить определённую мифологизацию: кажется, в художественном мире произведения соприкоснулись почти все стихии (воздух — ураган, вода и огонь), парадоксально поддерживающие друг друга (город одновременно горит и тонет, кажется, что все стихии объединены единой целью уничтожить город), катастрофа разрастается мгновенно (сначала жарко похолодание в слуховом оме: «В слуховом оме возникло жарко не жаром неба», — но уже совсем скоро оно распространяется по всему миру, ~~охла~~ кажется, что даже выходит за рамки художественного мира: «Мог возникнуть каждую минуту со всех сторон»). Это Такое превращение придаёт описанию мифологическое, символическое звучание.

Наконец, ~~символическое~~ символическое, мифологическое начало в тексте усиливает

активное использование ^{лирических} ~~лирических~~ ^{стихов} (например, «Халки были», «рассвет Пинг»),
и кратких форм прилагательных
и причастий (например, «страшней», «халки»),
что напоминает по звучанию древние
тексты, а не ~~стихи~~ исторические
романы. К ^{приёму} стилизации древнего текста,
можно отнести и ^{такой} использование
односоставных главных предложений
(«То были в небесах», «Страдал со всеми,
ободрал всех» и т.д.), которые создают
ощущение, что действие свершается
не конкретными людьми, а сам
собою, по какому-то велению свыше.

③ Появление Петра в тексте меняет
общее настроение, ~~и~~ ~~всеподобно~~ ~~сменяет~~
«неведомый ужас», «отчаяние и
исидею», а в финале даже уверенность
~~в спасении города~~ в том, что
город будет спасён, «будет там,
где он велел жить городу».

В образе Петра преобладают мифологические
мотивы, он напоминает древнего бога,
которого не берёт смерть, хотя ему
«ошём ошамло волосы», «едва
не удавило ружившей Силкой», он
кажется не человеком, а ~~древним~~
испомином, возвышающимся над миром
(он так и называется - «испомини»).

Образ Петра можно понимать как символ
образу, имеющий ^{или} ~~или~~ ^{неуничтожаемое} ~~или~~ ^{целое}
могущества человека, его способности

возникшие над стихией: ^вводу, ^{где} являлись (примечательно использование имени этого слова, ~~придающего~~ ~~универсального~~ ~~материального, нечеловечески~~ ~~сближающего~~ Петра с иезиим духом) царь, работа кипела так дружно, что ей отступая ~~откачал~~ вода и огонь — и обрести бессмертие: «ни смущения, ни страха, ни жалости не было в нем его, спокойном, твердом, томно у камня уважением — как будто, в самом деле, в этом человеке было что-то человеческое, над модой и стихией внятное, сильное, как рок».

В сцене, где Пётр правит бурю на Неве, уверенно противостоя стихии, образ приобретает аллегорическое звучание (аллегория — образ, имеющий конкретное значение) и даже напоминает эмблему (образ, состоящий из нескольких компонентов, имеющих конкретное значение, но в котором вместе тоже имеют значение, определенности смысла): Пётр, выполняющий человеческую волю и силу, противостоя бурю — ~~придающий~~ ^{выборщиком} стихии, становится эмблемой как ~~жизни~~ ^{жизни} ~~и~~ ^и исторического чуждого человека, так и исторического пути России. Образ корабля в бурю как ~~сударства~~ ~~во~~ ~~время~~ ~~капитализма~~ в тяжёлые времена — один из древнейших в мировой культуре: ещё Фойкид использовал его, аллегорически называя правителя кораблем (тему очевидно

см. вопрос 2), и Пушкинские (особенно
здесь это чувствуется в прозе).
Также стоит отметить схожую стилистику,
высокую лексику, используемую
обоими авторами в прозе гоголя,
в прозе «Медного всадника» Пётр —
«он» — одним словом выдвигает развитие
города, которое, кажется, происходит
само собой, неукротимо, что
~~напоминает сюжет о сотворении~~
~~мира, а библейские ассоциации усилива-~~
~~ются тем, что в новелле Гоголь ^{иногда} по библейским~~
~~категориям с союга «и»: «и вот~~
~~напоминает сюжет о сотворении~~
~~мира, а библейские ассоциации~~
~~усиливаются следующими словами: «и~~
~~душа ои», «где будет город якоже» и т.п.).~~

5) Как и в тексте «Полтавы» Пётр
у Мережковского «весь как божие чудо»,
он так же парадоксально «ужасен» и «прекрасен»
одновременно: его ~~явление~~ «явление», подобно
«божией ~~чужде~~ ~~чужде~~ свидетельствуем о
спасении ~~города~~ «Видю, где являлся царь,
работа шлепа так дружно, что ей уступали
вода и огонь»), но волосы снова огонь —
«Он действительно «ужасен» — но в своём
противоположном смысле, силе, с которой
«побеждал он против воли и превли
твёрдой рукою прямо к цели», скрыта
красота — «он прекрасен». И в «Полтаве»,
и в отрывке из романа Мережковского
в образе Петра доминирует что-то
«человеческое» (у Мережковского это

сказано напрямую, в отрывке у "Полтавы"
такие черты образу придает сравнение
с "Божией тварью", ~~отмечая~~ ~~его~~ ^(ср.)
использование слова "ми" вместо "лицо".

Со стихотворением "Смачний образ"
Петра у Мережковского близким
мотив "всобоюдности души": подобно
кумишскому Петру, бывшему "то адептом,
то черем, то мореплавателем, то плотником"
он (Кипр Мережковского) как при спасении
города наполняет "простою похваром",
он, ~~как~~ бывший "великим работником
на троне", просто одет и убог. В
мотив, а его душа действительно
"всобоюдная", потому что спасает
он не только Петербург - свои детища,
но и частный модел (он бросается
спасать человека, сидящего на мраморе,
тем прищипываясь отменяется от
"медного владения", ^{маленького человека} ~~блестя~~,
стоит отметить, что мифологическим
корнем Кипр становится именно в
сцене, когда он ~~явля~~т на помощь
Этому человеку).

6) Русский исторический роман
в вопросе о системе персонажей
наследует идее Вальтера Скотта об убожестве
Эпохи и при этом судьба частного
человека. В эту традицию ~~отмечается~~ ^{включается}
"Капитанская дочка" (споры о хаировой
принадлежности этого произведения идут

и слодни, некоторые исследования отмечают в «Капитанской дочке» черты романа, где исторические события Пугачёва показаны глазами Петруши Гринёва, а Пугачёв — герой, безусловно, очень важный, но всё же, пожалуй, не главный — ~~главнейший~~ играет роль мифа, парадоксально угадываемым в жизни Гринёва (в произведении исторический антиперсонаж разрушительных действий Пугачёва вообще и помощи такому человеку), повысившем на его долю

ключевым образом повливающим на становление, формирование и то, что Екатерина II, подобно противоборствующим Пугачёву, в произведении вытесняет ~~эту~~ такую же роль, что и Александр Буткович ~~эту~~ устраивает судьбу Гринёва и Машин — причём делает это не напрямую, а в образе частного человека. В этом, кверное, проявление небывалой гуманизации Пушкина, который верил, что даже в вихре «исторической мечали» человеческие ценности остаются самыми важными.

Другую функцию исторические мифы играют в романе-эпопее Толстого «Война и мир», где представлена целая галерея исторических мифов (Александр I, Наполеон, Кутузов, Бородин, Смердинский и прочие), но при этом никто из них не стоит в центре повествования,

не описан как вершитель судеб мира и истории, что иллюстрирует идею Толстого о том, что не гении мира определяют ход истории, а каждая душа волею каждого частного представителя народа. ~~При этом~~ Важную роль в образах Толстым образом исторических лиц играет и его критический взгляд, размышление о мире, что уже всего заметно в ~~описании~~ ~~Николе~~ образе Наполеона, описанного до невероятного физиологично, и на фоне этой подобной трактовки его образа становится понятным разграничение Пьера в идее Наполеону, так активно обосновывается во всей русской классической литературе.

④ ИММ В приведённых отрывках из произведений Мережковского и А.Н. Толстого образ Петра наделяется нечеловеческими чертами: ему приписаны ~~мелкие зубы~~ мелкие зубы (у Мережковского ~~они~~ ~~говорится~~, что «ни смущения, ни страха, ни жалости не было в лице его», а лицо Петра кажется зубастым у камня, у Толстого Петр, конечно, не «зубаст у камня», — взгляд его горит — но сам он этот тоже кажется абсолютно нечеловеческим: «Уши его стояли под разгневанным его взором», «народ, храбро помывшийся в Москве его слеза, говорил, что Петр — англичанин, не человек»).
 «... и ...»

В обеих отрывках ^(главы 12) подвиги Петра
кардинальшим образом несет обличитель,
царскую в художественном мире:
у Мережковского отгадки, «небольшой
указ» ^{Григорий} смелости ^{Григорий} дерзости в то,
что город будет спасен, а у Толстого
прошлого и даже отгадки сатирическое
описание подданных Петра, ~~добавлю~~
~~«как было»~~ в котором ~~сложно~~ серьезно
переходит в описание трепета, который
испытывают люди, находясь рядом с Петром,
^{как будто} ~~то есть~~ одно его (Петра) появление
разрушает обычный уклад жизни —
и оба автора наследуют пушкинское
примечание Петра как «башня форы»
(ведь в обеих произведениях явление
Петра, ~~пущай и несмотрю на трепет, произво-~~
~~дители~~ ~~привносет~~ в текст ощущение
обновления, ~~свой~~ свежести, приобщения
города: у Мережковского это спасение
города, а у Толстого — переход от
сатирического ~~описания~~ ^{описания} подданных
к ~~веру~~ высокому, пусть и формальному,
образу Петра).

Особую роль в приведенном отрывке
из романа А.Н.Толстого играет портретная
деталь, именно портреты очевидно
~~образуют~~ создают антитезу между образами
Петра и его подданных: если
подданные изображены ~~очень~~ ^{очень} маленькими
и безликими, то Петръ предстаёт

можем и фразы. Поддавшие
 Петру описаны прежде всего через
 детали их ~~внешних~~ смешных, почти шутовских
 в восприятии читателя, костюмов
 («зелёные шорты, штучки под мышками»,
 топфизикиссы, ялтыне вишни, сидевшие
 мешками камушки, выскобленные парши,
 у-под которых торчали их волосы),
 а их лица вообще не описаны, что
 переносит в сферу, когда поддавшие
 называются паршиками («перед ним
 сложилось лицо семь паршей»), обез-
 личивающую их, превращающую их
 из личностей в представителей типа.
 Пётр же, напротив, описан только через
 глаза, что выводит на первый план
 именно его личность. В описании
 его глаз (традиционно помещаемых в кунжуте
 как зеркало души), его взгляд отражает
 основные характеристики личности Петра:
 могущество, сила, граничащие с безумием
 («крупные его зёрнышки глаза, словно
 шарики безумцев», «Взгляд впитывал,
 постигал, прощипывал прощупательно, мог
 быть насмешливым, иудейско-иерусалимским,
 гневным»). Если поддавшие Петра напоми-
 нают мелких Бесов, то самого Петра,
 как говорится в тексте Толстого,
 многие принимают за Антихриста,
 страшного, но в то же время
 парадоксально прекрасного, что создаёт

ощущение, будто толстовское
описание Петра — ~~факт~~ имитация
к пушкинскому: «Войдя Петр, его
чужим шепотом. Мне его угаси.
Движенья Swift. Он прекрасен,
Он весь, как божья чужа».